НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЯЗЫШ» («СУДЬБА») В ТЕКСТАХ БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

© А. Г. Сагитова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 272 33 82.

Email: aigul74s@mail.ru

«Тексты башкирского фольклора представляют продукт коллективной языковой личности народа, который включает совокупность экстралингвистических факторов, носящих ярко выраженный этнокультурный характер, представления о мире, мировоззренческие установки, нравственно-этические и эстетические ориентации, соответствующие лингвокогнитивному и мотивационному уровням коллективной языковой личности». Концепт «языш» («судьба») занимает особое место в фольклоре башкир. Мифоконцепт языш относится к глубинным слоям культурного пространства и связан с архетипическими представлениями башкир.

Ключевые слова: концепт, судьба, этноязыковая картина мира, тексты фольклора.

Фольклорные тексты показывают, что башкиры представляли судьбу в образе человека, т.е. в образе второй половины, которая приносит счастье: – *Тирә-якка карап ултыра торғас, егет яр буйында ултырған бер картты күрәп кала һәм уға табан ыңғайлай.*

– *Бабай, яңғызың нимә эшләйһең? – тигән егет.*

– *Йәрәбә һалып ултырған көнөм. Язышты кешеләргә шулай ағызам. Маңлайға нимә тип яҙылһа, алда шул буласаҡ, – тигән бабай.*

– *Бабай, йәрәбәңде миңә лә һал әле. Язышымда ниндәй ҡыҙ күренә икән? – тип һораған йәш кеше.*

Йәрәбәһен һалып былай тигән бабай: – Һинең юлың туп-тура барыр. Алда урман булыр. Бер кешенең күмер яндырғанын күрерһең. Эргәһендә матур ҡыҙ йөрөр. Язышың шул ҡыҙ янында. Егет, рәхмәттәрен әйтөп, туп-тура бабай күрһәткән яҡка киткән, ти; Был аҡ һаҡаллы бабай Ильһөйәргә бик оҙаҡ ҡына карап торған да, күл төбөнә карап уйланıp ултырғандан һуң: – Улым, бәхет кайғалыр алышта түгел, үзеңдең тыуған ереңдә булыр, – ти. – Бәхетте уны сит илдән эҙләп тапмайһар, – ти. – Бәхетте нисек табып була, бабай? Өйрәтһәңсе, минең атайым юҡ бит өйрәтергә, – тигән, ти, Ильһөйәр. Бабай уға: – Ауылыңа ҡайт, улым. Тыуған ауылыңдың артында бер билән бар. Шунда алтын ятҡылығы бар, уны көрәк, кәйлә менән ҡаҙып табып булмай. Уны икенсе юл менән, энә менән ҡаҙып сығарырға кәрәк. Шуны үзең кеүек фәкир-фәҡараға тигеҙ итеп кенә бүлеп бирергә кәрәк. Шунда инде бәхетеңде табырһың, улым, – тигән. – Әгәр ҙә тапҡан алтыныңды халыҡ менән урта ҡлашмаһаң, бәхетеңде барыбер таба алмаһың, – тигән.

Также абстрактное представление о жизни и о благополучии, счастье материализовано у башкир под мифическим названием «кут» (жот). Например: *жотло, өлөшлө кеше; бала жото; мал жото;*

өй жото. Согласно представлениям башкир, человеческая судьба, жизненный путь, время и обстоятельства смерти еще до рождения определяются свыше. Например: *Бер кеше төшөндә үзенең әжәле еткәнән күрә. Уға Ғазраил: “Иртәгә һинең йәнеңде килеп алам”, – ти.*

Йокоһонан уяңас, кайғыға батып уйланıp йөрөй ҙә бер мал: “Әһ, котолоу юлын таптым”, – тип шатлыҡлы ҡысқырып ебәрә кеше.

Тиҙ-тиҙ генә кәрәкле әйберҙәрҙән йыйып алып, юлга сыға, көнө-төнө бара. Иртәгеһен ҡояш сығыуға, хәлдән тайып, урман эсендәге тау мәмерйәһенә барып керә.

– *Мин һинең килгәһеңде кисәнән бирле көтөп торам инде. Уны Ғазраил ҡаршы алған, ти. Языштан уҙмыш юҡ шул ул.*

В башкирской языковой картине концепт «жизнь» раскрывается лексемами «гүмер», «тормош» и «йәшәү». «Гүмер» (жизнь) определяется как физиологическое положение человека со дня рождения до дня смерти. Башкирским народом понятие «гүмер» («жизнь») осознается не только как временное пространство, проживание человека на Земле, но и как определенный промежуток времени, конкретное время или как само понятие «время»: *ҡысқа гүмер* – короткая жизнь; *йәш гүмер* – молодая жизнь; *гүмер буйы* – всю жизнь; *гүмер кисереү* – проводить жизнь; *бушҡа гүмер үткәреү* – попусту тратить время; *гүмер эсендә бер* – изредка; *ни гүмер?* – сколько времени?; *ни гүмерҙән бире?* – с каких пор?; *гүмер баҡый* – вечно, всегда» [2, с. 150]. Например: *Ул үзенең бөтә гүмере буйына бер генә һум да аҡса йыйнай алмаған* (букв. Он за всю жизнь не смог накопить даже рубля) (сказка «Хитрый сапожник»).

«В фольклорных текстах часто встречаются словосочетания: *үткән гүмер*» («прошедшая жизнь»), *оҙон гүмер*» («долгая жизнь»), *йәш гүмер*» («молодая жизнь»): *Үткән гүмер ҡайтмаҫ, ҡалған хәтер табылмаҫ* (букв. Прошедшая жизнь

не вернется, ушедшая память не найдется); *Үткән гүмер* – *һүнән күмер* (букв. Прошедшая жизнь – потухшие угли); *Аҡ юл – оҙон гүмер* (букв. Белая дорога – длинная жизнь); *Йәш гүмер кире кайтмай* (букв. Молодая жизнь не возвращается) (пословицы);

*Ошоғаса йәшәп мин,
Оҙон гүмер көсәп мин,
Уға тиңде күрмәнем,*

Күрмәнем дә белмәнем (букв. До этого я жил, желая долгой жизни, не видел ей равной и не знал) (эпос «Идеукэй и Мурадым»)» [3, с. 89].

Слово *язмыш* в башкирской языковой картине мира применяется в значениях *судьба, доля, рок, удел, предопределение, предначертание*. Например: *Бәндәне ризыҡ йөрөтә; /Кеше ризығын кеше ашамаҫ; /Өмөт өҙөлмәһә, ризыҡ өҙөлмәҫ; /Ер өстөнә сәселгән ризыҡтарың /Сүпләп йыйып, утлай Ғарипҡол; /Егет, меҫкен, китә, ай, илдәргә – /Ризыҡ-нәфәкә яҙған ерҙәргә*. Исследование показывает, судьба человека записывается на лбу человека, и то, что написано на лбу, обязательно исполняется. Например: *Бәндә һөйләр, тәкдир көлөр; Ир йыуаш булһа ла, тәкдирҙән котолмай; Әҙәм уңһа – үҙенән, уңмаһа тәкдиренән күрер; /Бүҙәнәкәй тигән, ай, ялбыр кош, /Югерә лә төрлө юл менән. /Маңлайҙарға яҙған хаҡ яҙмышын /Һыпырып ташлап булмай ҡул менән; /Юл буйыҡайынан юргалаған /Кызыл ғына аяҡ күгәрсен. /Кайғырма ла башым, түгелмә йәшем, /Хаҡ ни яһа, шуны күрерһең*.

В башкирской легенде «*Үткән гүмер*» («Прошедшая жизнь») повествуется о том, как два всадника (муж и жена) возвращались домой и неожиданно их путь на бешеном скаку пересек всадник на гнедом коне / «туры ат». Мужчина тщетно попытался его догнать на своем конетулпаре. Жена ему объяснила, что «этот всадник на гнедом коне – прошедшая жизнь» и поэтому его догнать невозможно: *Кыз егетенә карап әйткән: – Әй, йәнем, бушҡа илама, – тигән. – Юлыбыҙҙы арҡыры киҫеүсә кеше түгел, үткән гүмер бит, – тигән. Үткән гүмерҙе толпар менән дә ҡыуып етеп булмай. Кәләше бик моңло икән, йырлап та ебәргән:*

*Менге генә атым ҡара күк,
Менеп кенә сыттым әңерҙүк.
Елә лә генә саба етә алманым
Үтеп кенә барған гүмерҙүк.*

«В народных песнях понятие «*гүмер*» («жизнь») включает в себя такие составляющие, как «быстротечность жизни», «миролюбие», «искренность», «необходимость терпеливо переносить все лишения и опасности, которые выпали на долю человека, принимать жизнь такой, какая она есть»: *Дан уйнайыҡ, дуҫтар, дан көләйек, шул ултырыу беҙгә бер гүмер...* (букв. Хорошо повеселимся, друзья, хорошо посмеемся, в этой встрече – вся наша жизнь...) (песня «Салый»). Осваивая мир, человек связывает жизнь с временными и пространствен-

ными явлениями, устанавливает всеобщий характер этих связей: *Йәштәр гүмер көтә, ҡарттар үлем көтә* (букв. Молодежь ждет жизнь, старики ждут смерти); *Бала саҡтан кәрҙән гәҫтәт гүмергә ҡалыр* (букв. Детские привычки останутся навсегда); *Иртә торғандың гүмере оҙон* (букв. Кто рано встает, тот долго живет); *Көлөү гүмерҙе оҙонайта* (букв. Смех продлевает жизнь); *Өс көнлөк гүмерең булһа, азналыҡ азығың булһын* (букв. Даже если осталось жить три дня, пищу готовь на неделю); *Умырзаяның гүмере бер көн* (букв. Жизнь подснежника – один день)» [1, с. 68].

Также представления башкир о судьбе связаны со следующими закономерностями мифологического мышления: *судьба-жизнь* определена заранее *судьбой-силой*: *Алдан, арттан күрҙем мин, /Күңеләнә кәрҙем мин. /Ул тыуған был донъяға /Ил дошманын ҡырмаға; /Тыуған илен әлһәй ул, /Кемдән тыуған, белмәй ул; /Уны тәкдир тыуҙырған, /Барыр юлын шул һыҙған; Ағиҙелкәйҙәрҙең аръяғында /Аҡ ҡуянҡай тапмай күк ерҙе. /Тәкдир ҡәләмдәре миндә булһа, /Яҙып ҡуйыр инем тәкдирҙе; Аҡ ҡуянҡайҙарҙың, ай, балаһы /Һикереп уйнай бейек ерҙәрҙе. /Күрәскәйҙәрҙе күрмәйенсә /Кереп булмай ҡара гүрҙәргә; Алыс ҡына ҡарап, ай, күрүнгән /Урал ғына тауҙың күләме. /Хаҡ яҙмышҡайҙарын күрмәйенсә, /Тәкдир етмәй кеше үләме?*

Представления о каких-то высших силах, властвующих над индивидуумом, и предопределенности пути человека – универсальный подход к концепту судьбы (очевидно, это связано с неразрешимым противоречием между мимолетностью жизни и «вечностью» мира) [5, с. 3].

Ср.: *Тора-бара шул булыр:
Тирә-йүндәр һил булыр.
Тәбиғәткә йәм инер,
Тереклеккә йән инер.
(Тәңренән булыр әмер –
Бары тағы түлләнер).*

Несмотря на то что башкиры верят в предначертанность жизненного пути, неотвратимость судьбы, они пытаются ее изменить. Об этом свидетельствуют некоторые обряды и ритуалы, запреты и обычаи башкир. Например, давая имена, связанные с металлами, камнями, сильными дикими животными (*Тимербай, Таштимер, Арыслан*), башкиры как бы защищают ребенка от болезней и смерти [4, с. 394]. Башкиры пытаются обмануть судьбу с помощью обряда «купли-продажи ребенка» и т.д. Если в семье, новорожденные умирали, то поступали так: повивальная бабка выходит с новорожденным во двор, обходит вокруг дома и через окно залезает с ним в дом. По поверьям, после этого младенец будет жить долго. Например, у среднеуральских башкир, есть обряд «*Бала һатыу*» (досл. «Продажа ребенка»). По этому обычаю семья, в которой новорожденные умирают, «продают» новорожденного многодетному человеку (*аймаҡ ба-*

лалы кеше) через окно. Когда ребенку исполняется три или семь лет, родители «выкупают» его, отдав за него скотину. Говорят, после этого ребенок живет долго [4, с. 57]. Следует отметить, что при «продаже» ребенка «продавец» (повивальная бабка) и отец ребенка произносят следующий заговор: «Ҡатыусы» (Кендек инәһе): /Ергә Һалдым – Ер алмай, /Күккә сөйҙәм – кош алмай, /Эткә Һалдым – эт алмай, /Бала Һатам, кем ала? /Бала Һатам, кем ала? /Атай кеше: /Бала Һатһаң, мин алам, /Һимәһе менән Һатаң? /“Ҡатыусы” (Кендек инәһе): /Ғүмере менән Һатам, /Бәхете менән Һатам. /Атай кеше: /Һимәһе менән Һатаң? /“Ҡатыусы” (Кендек инәһе): /Ғүмере менән Һатам, Бәхете менән Һатам. /Атай кеше: /Һимәһе менән Һатаң? /“Ҡатыусы” (Кендек инәһе): /Ғүмере менән Һатам, Бәхете менән Һатам. /Атай кеше: /Бала Һатһаң миңә Һат, /Ғүмере менән бергә Һат, /Бәхете менән бергә Һат, /Һебәһенә тун бирәм, /Уға Һушып мал бирәм. «Продавец»: / Положила на землю – Земля не берет, / Подбросила к небу – птица не берет, / Положила собаке – собака не берет, / Ребенка продаю, кто купит? / Ребенка продаю, кто купит? / Отец ребенка: / Если ребенка продаешь, то я куплю, / Вместе с чем продаешь? / «Продавец»: / Продаю вместе с долгой жизнью, / Продаю вместе с счастьем. / Отец ребенка: / Вместе с чем продаешь? / «Продавец»: / Продаю вместе с долгой жизнью, / Продаю вместе с счастьем. / Отец ребенка: / Вместе с чем продаешь? / «Продавец»: / Продаю вместе с долгой жизнью, / Продаю вместе с счастьем. / Отец ребенка: / Если продашь ребенка, то мне продай, / Продай вместе с долгой жизнью, / Продай вместе с счастьем, / В знак договора шубу даю, / И в придачу скотину даю [4, с. 7].

В фольклорных материалах встречаются обряды с использованием ниток (*повязывание невестой лоскутка, нитки на дерево*). Эти элементы растительного культа, трансформируется как знак памяти для родных, как символ – вещун. Так же происходит получение благословения: обряд завязывания невесте пояса (билбау). Трехкратное действие обвязывания, круговое действие вокруг пояса человека в мировом фольклоре символизирует неуязвимость и вечность жизни. Например: *Бил, бил биләйем, /Коткайыңды биләйем. /Байлығыңды бирәйем, /Бергә Һушып бәйләйем; /Кыз баланың ырысы сепрәктәргә төрөлгән; /Ебәк кенә билбау ете кат /Кем сисәһе килһен биләнән*. Судя по материалу, билбау (пояс) осуществляет несколько функций, во-первых, с помощью пояса к невесте прикрепляется жизненная сила, счастье, благополучие; во-вторых, с помощью украшенного пояса отгоняли от невесты нечистую силу, духов болезней, духов дурных глаз, злого языка [4, с. 106]. В то же время белые нитки в этноязыковой картине мира имеют сложную семантику, они символизируются и со смертью. В погребальном обряде народа, когда в последний путь усопшего провожают в белом, в

пожертвованиях также преобладает белый цвет – белые нитки – «нить покойного» («йыртыш» или «мәрхүм ебе»). «Последний путь осознается как светлый, добрый, т.к. в башкирском языке есть словосочетание «аҗ юл» (белая дорога, что означает добрую, счастливую и светлую дорогу)» [1, с. 356].

В бытовых обрядах башкир встречаются разные названия ниток. Свадебное опоясывание невесты и обвязывание саваном покойника, исполнение прощальных песнопений от их имени в обоих случаях; сосемантичны обрядовые подношения или задача гостям предметов общения-приобщения: лоскутки ткани, льняные кисти в свадебных торжествах называются «нить невесты» («килен ебе», «йыртыш»). Например: *Беҙгә килгән ҡозаларҙың /Еккән аттары ҡола. /Йыртыш һорай тип ҡөлмәгез – /Борондан ҡалған йола; / Беҙгә килгән ҡозаларға /Талдан дуга бөгәбеҙ. /Ҡозаларҙың йыртыштарын /Әсмүхәнән бүләбеҙ*. «Обязательным атрибутом национальной одежды мужчин являлся пояс (*билбау, билгау, Һушаҗ, Һәмәр*). «Пояса билбау/билгау, Һушаҗ представляют собой длинный кусок ткани или веревки, могли быть и вязаными из овечьей шерсти или козьего пуха. А Һәмәр (камар) представлял собой широкий, украшенный металлическими или серебряными (золотыми) бляхами с агатом, сердоликом или бирюзой, с красивой гравированной пряжкой мужской пояс из кожи или серебра. Обычно такие пояса были символом знатности, богатства, статуса» [4, с. 104].

Башкиры применяли нитку и в магической практике. Например, оберегая новорожденных детей от бәрей (нечистой силы), девочкам надевали на руку маленький янтарный браслет, а на руку мальчика привязывали выдернутую из ткани синюю нитку. А при появлении ячменя на левом глазу привязывали на мизинец правой руки красную нить или, наматывая нить чермного цвета, одновременно слегка нажимая на ячмень фалангой какого-либо пальца, заговаривали болезнь. При простуде брали семь разноцветных нитей, каждая длиною в рост заболевшего. Этими нитками обвязывали голову, талию и ноги больного, затем их снимали и делали куклы, которых бросали на перепутье семи дорог, произнося заговор. Если человек заболел от козней нечистой силы, его лечат при помощи суровых ниток. Знахарь берет семь разноцветных ниток, ими семь раз измеряет рост больного, одновременно с этим произносит заговор:

*Больной человек лежит чуть дыша,
Болят его тело, болят душа.
Тәңгри, тәңгри, сильнее тебя нет,
Возврни больному разум и свет.*

В башкирской языковой картине мира с судьбой связана и доля (*өлөш*). По верованиям башкир, мир — одно целое. Из этого целого каждому досдается *Өләш* (доля). Кто-то получает долю лучше, а

таких говорят: *өлөшлө кеше* (удачливый человек, везучий), кому-то достается доля похуже, они неvezучие (*өлөшһөз*) [4, с.395].

Представление о доле присутствует почти во всех обычаях, обрядах и ритуалах башкир. Например, у башкир существует обычай обязательного угощения беременных женщин. В частности, если в дом заходит беременная женщина, ее обязательно угощают, причем дается доля и для еще не родившегося ребенка. По поверьям, если не дать долю ребенка, то он будет *өлөшһөз, котһөз* т.е. неудачливым, бездольным. Рождению ребенка, наделенного особой жизненной силой, удачей, счастьем (*өлөшлө бала*), способствует также обычай исполнять все желания беременной женщины.

Тема доли присутствует и в свадебном обряде башкир. Согласно обычаю *Өлөш айтеу*, все приходящие в дом жениха люди при первом знакомстве с невестой должны были подарить подарок и пожелать молодым счастливой жизни. Ср.: *төшкән ереңә таиш кеүек бат* (застынь камнем там, куда вышла замуж); *төклө аяғың менән* (с легкой ногой ступай); *йомшаҡ һүҙле бул, кешелекле бул* (мягкословной будь, человечной будь) и т.д. Эти пожелания и подарок должны были определить счастливую судьбу невестки.

Представление о доле присутствует и в погребально-поминальном обряде башкир. В частности, когда человек умирает, башкиры говорят: *ваҡыты еткән* (время его подошло), *көнө бөткән* (дни его кончились), *ризығы бөткән* (предназначенная для него еда (доля) кончилась). По представлениям башкир, у умершего человека есть некоторая доля, которую подают родственники умершего в виде подаяния (*хәйер*) пожилым, немощным, больным и бедным. Ср.: *атайымдың өлөшө* (доля моего отца); *бөтә өмөт иткәндәрәм рухына хәйер* (за всех, кто от меня ждет подаяния); *улымдың өлөшө* (доля моего сына) и т.д. Как отмечает Ф. Г. Хисаметдинова, во всех обрядах, связанных с похоронно-поминальными обычаями, присутствует доля. Раздача

хәйер (милостыни) во время похорон, на третьины (*өсө*), седмины (*етеһе*), сороковины (*жырҡы*), годовщину (*йылығы*) сохраняется по сей день. Идея доли видна и в приготовлении поминальных лепешек (*йәймә*). В южных районах поминальные лепешки раздавались каждому по одной целой, поэтому их готовили много. В некоторых других регионах на седмины готовят семь, а на сороковины сорок лепешек. [4, с. 298–299].

Таким образом, представляя собой важную часть картины мира башкирского этноса, фольклорная картина мира являет собой образец высокой культуры, где заключена мудрость народа, его опыт, особенности башкирского менталитета.

Источники

1. Башкирское народное творчество / Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.
2. Башкорт халык ижады / Ригәйтәр, легендалар. Өфө: Китап, 1997. 440 б.
3. Башкорт халык ижады / Йомактар. Өфө: Китап, 2007. 416 б.
4. Башкорт халык ижады / Новеллистик әкиәттәр. Өфө: Китап, 2008. 568 б.
5. Башкорт халык ижады / Батырзар тураһындағы әкиәттәр. Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1978. 352 б.
6. Башкорт халык ижады / Бәйтәр. Йырзар. Такмактар. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1981. 392 б.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кульсарина Г. Г. Этноязыковая картина мира в текстах башкирского фольклора: дисс. ... д-р. филол. наук. Казань, 2018. 474 с.
2. Башкортса-русса һүзлек / яу. ред. З. Г. Ураксин; төз. И. М. Агишев һ.б. М.: Дигора, Русск. яз., 1996. 884 с.
3. Кульсарина Г. Г. Национальная языковая картина мира в текстах башкирского фольклора. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 356 с.
4. Хисаметдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.
5. Бижева З. Х. Адыгская языковая картина мира. Нальчик: Эльбрус, 2000. 128 с.

Поступила в редакцию 05.11.2019 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.42

**CONCEPT-MYTHEME “YAZMYSH” (“FATE”)
IN THE BASHKIR LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD**

© A. G. Sagitova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 272 33 82.**Email: aigul74s@mail.ru*

The idea of the Bashkirs about fate occupies an important place in the folklore of the Bashkir people. The mythological concept of yamysh refers to the deep layers of cultural space associated with archetypal representations of the Bashkirs. It is represented in the semantic space of the text by various cultural codes. According to the Bashkirs, a person, even before being born again, is determined by his fate; its life path is predetermined, including the time and circumstances of death. For the ancestors of the Bashkirs – carriers of mythological thinking – abstract time itself was of no interest. They considered time from an axiological point of view. In the works of Bashkir folklore, there are practically no plots in which the passage of time as a duration is spoken of irrespective of the events filling this duration. The time in them was characterized as a certain duration, and it was estimated through the events filling a specific interval. Evaluating the events that have occurred or are occurring, the person of mythological thinking understood them as the realization of fate (of his own, his own community, or the whole kind). An ancient person perceived life and the events taking place in it as the fulfillment of a fate determined by the gods – the fate of man, kind, things, etc. Therefore, fate was understood as the most important category of human consciousness of mythological thinking, and through this prism his picture of the world was built. The motives, plots, various phrases preserved in the Bashkir folklore that reflect the people's ideas about fate show that the ancient Bashkirs may have had a “god of fate”. Despite the fact that the Bashkirs believe in the predestination of life, the inevitability of fate, they are trying to change it. This is evidenced by some rites and rituals, prohibitions and customs of the Bashkirs. The concept of fate among the ancient Bashkirs was closely connected with the idea of time and occupied an important place in the semantic structure of their model of the World.

Keywords: concept, fate, linguistic picture of world, folklore.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Kul'sarina G. G. Etnoyazykovaya kartina mira v tekstakh bashkirskogo fol'klora: diss. ... d-r. filol. nauk. Kazan', 2018.
2. Башҡорт-са-руssa һың лек / yau. red. Z. G. Uraҗsin; төҙ . I. M. Agishev h.b. Moscow: Digora, Russk. yaz., 1996.
3. Kul'sarina G. G. Natsional'naya yazykovaya kartina mira v tekstakh bashkirskogo fol'klora [National linguistic picture of the world in the texts of Bashkir folklore]. Ufa: RITs BashGU, 2017.
4. Khisametdinova F. G. Slovar' bashkirskoi mifologii [Dictionary of Bashkir mythology]. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2011.
5. Bizheva Z. Kh. Adygskaya yazykovaya kartina mira [Adyghe linguistic picture of the world]. Nal'chik: El'brus, 2000.

Received 05.11.2019.